

Людмила Петрановская.

Кризис подросткового возраста.

Суть подросткового кризиса в том, что ребенок перестает быть ребенком. Те отношения зависимости, которые были у него с родителями, когда он, с одной стороны, рассчитывал на их защиту и заботу, а с другой – безоглядно им доверял и слушался, должны когда-то закончиться. Мы не можем вырасти, пока не отделимся от родителей. В архаичных обществах не было подросткового возраста: когда наступало половое созревание, заканчивалось детство, и сразу начиналась взрослость, и никакой проблемы не было. Но в нашем обществе социальная зрелость не совпадает с физиологической.

Физиологическая зрелость никуда не делась, она наступает в 12-14 лет, а до социальной еще далеко. Эти несколько лет оказываются очень тяжелыми: родители и общество в целом ожидают, что подросток будет таким же управляемым, как ребенок, но при этом столь же разумным, как взрослый. Мы отправляем детям двойное послание, считая их одновременно и маленькими, и большими...

Без рамок у нас не получится – с точки зрения государства и общества мы отвечаем за детей. Мы понимаем, что они еще не достигли социальной зрелости, не могут контролировать свои поступки, поэтому определенные границы необходимы.

Что такое правила семьи? Это то, что было до появления ребенка, то, что мы устанавливаем с его рождением. Они справедливы в рамках нашей и его территории: не «тебе нельзя», а «у нас нельзя». Дети хорошо чувствуют, когда речь идет об их территории, а когда – о территории других людей.

Если дети сломали или потеряли вашу вещь и вы топаете ногами, рвете и мечете, то в их представлении это правильно: они нарушили ваши права, и вы возмущены. При этом, как только вы начинаете вторгаться на территорию ребенка и возмущаться, что он не сделал уроки, не навел порядок в своей комнате, у него начинается закономерный протест.

Но бывает и по-другому: мы только думаем, что договорились. Родители возмущаются: «Мы же с ним договорились, что он будет мусор выносить!» В таком случае я всегда спрашиваю, как происходил процесс переговоров. Родители отвечают: «Я ему сказал(а)».

Очень часто мы пытаемся навязать ребенку справедливость, навешивая этот ярлык на то, что на самом деле таковым не является. Когда мы договариваемся, это значит, что другой человек имеет такое же право голоса, как и мы, что мы договариваемся на равных, а значит – он может и отказаться.

Нельзя договориться без процесса договаривания – в противном случае это называется «я велел(а)». Тогда надо так и говорить. Дальше звучит: «Я же тебя прошу». Просьба – это коммуникативный акт, который предусматривает возможность отказа. Если просьба не предусматривает возможность отказа, это называется приказ.

Мне кажется, что детей ничто так не выводит из себя, как наше такое лицемерие. Мы говорим «прошу», хотя на самом деле не предполагаем возможность отказа. «Мы же договорились» – хотя на самом деле никто ни с кем не договаривался. Такие ситуации очень взрывоопасные...

Дети в память о былой любви стараются не указывать родителям на то обстоятельство, что родительская власть завершена. Кое-какие рычаги влияния еще остались: например, лишить карманных денег – но по большому счету инструментов не так много. Дети деликатно стараются это не подчеркивать.

Все это проявляется в отношениях с подростком. Учитель звонит родителям: «Примите меры, ваш сын не ходит в школу!» При этом все стороны понимают, что это

имитация. Какие меры может принять мама, если сын выше ее на голову и басит? Все: она сама, учительница, ребенок – знают, что никаких. Но если мы не погрязли в войне, не разорвали отношения, то можем договориться.

Мир в доме обычно важен для подростков. Им важно не чувствовать себя виноватыми, важно, чтобы родители не расстраивались. Но, к сожалению, многие семьи начинают настоящую войну. Кроме того, у многих родителей в это время наступает кризис среднего возраста: вся жизнь была подчинена детям, а теперь они выросли и всячески дают понять, что им больше не нужна твоя забота, не нужно, чтобы ты о них все время думал. И возникает вопрос: «И что теперь делать? Кому я теперь нужен?»

Если у родителя слишком много «яиц» было сложено в эту «корзину», в воспитание детей, то появляется чувство, что он остался ни с чем. Особенно если в этот момент взрослый не реализуется профессионально или недоволен личной жизнью. Хотя на самом деле теперь-то можно наконец позволить себе все те радости, которые ты откладывал, пока ребенок был маленьким.

Какие-то вещи ребенок должен осознать и попробовать сам. Наша задача – оставлять канал общения открытым, чтобы он знал: если ему станет тяжело или он ошибется и ему нужна будет помощь, можно прийти к нам.

Главное – важно убрать из своего лексикона такие слова, как «бороться», «пробиться», «добиться», всю эту военную лексику. Просто вспомнить, что он все равно твой ребенок. Ему по-прежнему важно, чтобы его любили таким, какой он есть. Ему важно, что хоть кто-то был на его стороне. Дети очень благодарно на это отзываются. Не нужно засыпать их подарками – им важнее, чтобы мы дали им понять, что этот канал открыт...

Нужно беспокоиться не из-за поведения, а из-за состояния. Если у ребенка тревожность, депрессивность, вспышки агрессии – ему может понадобиться помощь.

Поведение – это то, что сегодня есть, а завтра нет, но у состояния (особенно когда человеку плохо) могут быть серьезные последствия.

Автор: Людмила Петрановская

Текст данной публикации скопирован из Интернета или других открытых источников